
Ominayashi
Сапоги из Флоренции
и туфельки из Киото

Ominayashi

Сапоги из Флоренции и туфельки из Киото

«Автор»
2026

Ominayashi

Сапоги из Флоренции и туфельки из Киото / Ominayashi — «Автор», 2026

В мастерской флорентийского мастера по изготовлению пуантов Сэма Гарднера — крупного, немногословного человека, чьи пальцы чувствуют атлас и стопу, как другие — музыку, — однажды утром появляется прима театра Маджо Музыкале Хлоя Дюваль. Ей нужны пуанты, в которых она «не убьёт себя» до второго акта Джульетты, — но очень скоро становится ясно, что настоящая просьба глубже: она не умеет жить, только танцевать, и танцует так, что её тень идёт ссутулившись, пока она сама держит спину. Сэм правит пуанты каждую неделю и впервые видит человека, который пришёл не с больными ногами, а с больной жизнью. Повесть о мастере и балерине — о пуантах и правде, о боли, которая бывает острой и тёплой, и о том, что иногда, чтобы наконец начать танцевать, нужно сначала перестать.

© Ominayashi, 2026
© Автор, 2026

Ominayashi
Сапоги из Флоренции и туфельки из Киото

Сапоги из Флоренции и туфельки из Киото
или Повесть о том, как балерина перестала танцевать

Глава 1. В которой появляется женщина, не умеющая стоять на месте

Флоренция в конце сентября пахнет двумя вещами: подмёрзшим виноградом и чужими деньгами. Первое — от виноградников, что лепятся по холмам за городом, словно пьяные гости, которым не хватило места за столом. Второе — от туристов, что текут по узким улицам густым, сладковатым потоком, оставляя за собой обрывки карт и шелест купюр.

На виа деи Серви, в доме номер двадцать четыре — если вы умеете считать дома во Флоренции, где нумерация живет своей, ни от кого не зависящей жизнью, — располагалась мастерская. Снаружи она ничем не отличалась от сотен других: ставни цвета выцветшей шалфея, дверной молоток в виде головы льва, стёртой от прикосновений до состояния неразличимого существа. Внутри же — а внутри всё было иначе.

Сэм Гарднер, мастер по изготовлению пуантов, держал мастерскую, которая скорее походила на алтарь, чем на ремесленное заведение. Стены были обиты белым полотном — для того, чтобы видеть, как ложится свет на будущую туфлю. Полки из тёмного ореха несли на себе коробки с лентами, катушки с нитями, мешочки с клеем и банки с чем-то, что Сэм называл «секретным ингредиентом», но что на самом деле было просто очень хорошей мукой для пасты, поскольку Сэм, как всякий уважающий себя человек, живущий во Флоренции, считал, что макароны лечат больше болезней, чем медицина.

В центре стояла колода — пень от вишнёвого дерева, привезённого из Тосканы, — и на ней покоилась последняя пара пуантов, ещё тёплых, ещё пахнущих клеем и розовым атласом.

Сэм был человеком крупным, что для мастера пуантов казалось неуместным. Его руки — ладони как сковороды, пальцы как сардельки — должны были, по всем законам здравого смысла, ломать хрупкие конструкции из картона, ткани и клея. Но Сэм обладал даром, который не объясняется ни законами физики, ни законами здравого смысла: его пальцы чувствовали материал так, как слепой чувствует шрифт Брайля. Он мог сказать, где туфля жмёт, не прикасаясь к ноге. Мог определить, где баланс сместился на полмиллиметра, просто подержав пуант на ладони.

Это, конечно, не было магией. Это было хуже. Это было призванием.

В то утро, когда всё началось — а началось оно именно утром, в четверг, около одиннадцати, если вам так важно знать время, — Сэм сидел на табурете у окна и срезал лишний атлас с носка пуанта. Лезвие двигалось так, будто резало не ткань, а масло. Солнце билось в стекло, и пылинки кружились в луче, как балерины в фарфоровой шкатулке.

Дверь открылась без стука. Это означало одно из двух: либо грабитель, либо человек, который привык, что двери открываются сами. По тому, как шаги звучали — ровно, мерно, без единого лишнего звука, как метроном, — Сэм понял: второй вариант.

Он не поднял головы. Люди, которые приходят без стука, не любят, когда на них смотрят раньше, чем они этого захотят.

— Мне нужны пуанты, — сказал голос.

Голос был ровный. Не холодный, не тёплый — ровный. Как линия горизонта в степи. Сэм однажды видел степь — в книге, разумеется, он не путешествовал дальше Рима, — и линия горизонта его впечатлила. Она была абсолютно ровной и абсолютно пустой. Так звучал этот голос.

— У вас ноги размер? — спросил Сэм, продолжая срезать атлас.

— Двадцать пять и одна треть.

Сэм поднял голову.

Перед ним стояла женщина. Высокая — не выше, чем нужно, но достаточно, чтобы Сэму пришлось чуть запрокинуть голову, а он не любил запрокидывать голову, считая это позой подчинения. Тёмные волосы, собранные в узел на затылке, — узел был так туг, что, казалось, ещё немного, и волосы начнут трещать. Шея длинная, как колонна, и примерно такая же выразительная. Серый плащ поверх чёрного платья. На ногах — балетные туфли, мягкие, разношенные, такие, в которых ходят на репетиции, а не на улицу, но она явно не считала нужным менять обувь между миром сцены и миром улиц.

Лицо — Сэм посмотрел на лицо, и это было ошибкой. Не потому, что оно было некрасивым. Напротив. Оно было красивым в той степени, которая заставляет мастеров забывать, что они держат в руках нож. Лицо было вытянутое, скулы — как крылья чайки в полёте, глаза — серые, большие, но не приветливые, а деятельные, как два чиновника, которые всегда чем-то заняты и не любят, когда их отвлекают. Рот — прямой, и Сэм подумал, что этот рот улыбается примерно раз в году, и то — по необходимости.

— Хлоя Дюваль, — сказала женщина. — Прима театра Маджо Музыкале. Я танцую партию Джульетты в октябре. Мне нужны пуанты, которые не убьют меня до второго акта.

— Пуанты никого не убивают, — сказал Сэм. — Это люди убивают себя в пуантах.

— Вот именно, — ответила Хлоя. — Мне нужны такие, в которых я не убью себя. Это возможно?

Сэм отложил нож. Встал. Подошёл к ней — не близко, но достаточно, чтобы увидеть то, что он привык видеть: как человек стоит. Как распределяет вес. Как держит позвоночник.

Она стояла так, будто стояла на сцене. Вес — на передней части стопы. Пальцы — поджаты, даже в мягких туфлях. Плечи — опущены, но не расслаблены, а опущены усилием, как опускают флаг перед наступлением ночи. И — это он заметил не сразу, но заметил, потому что его пальцы чувствовали больше, чем его глаза, — она стояла на левой ноге чуть иначе, чем на правой. Левая несла вес с удовольствием. Правая — с одолжением.

— Правая? — спросил он.

Хлоя моргнула. Это было единственное, что выдало удивление: веки опустились и поднялись на долю секунды дольше, чем следовало.

— Мизинец, — сказала она. — Я наступила на него в мае. Он зажил, но... он не любит меня.

— Он вас не не любит, — сказал Сэм. — Ему тесно. Покажите.

Хлоя села на табурет — единственный, кроме того, на котором сидел Сэм, — и сняла мягкую туфлю с правой ноги. Стопа была маленькой, но не изящной — изящные стопы не бывают у балерин, это противоречие в терминах. Стопа была сильной, жилистой, с мозолями, которые желтели, как камни на дне ручья. Мизинец — чуть отставал, чуть загибался внутрь, и Сэм увидел, что сустав на нём больше, чем нужно, и что обувь, которую она носит, была сделана для стопы, у которой нет этого сустава.

— Я сделаю вам пуанты, — сказал Сэм. — Не раньше пятницы.

— Мне нужны к среде.

— Вы получите в пятницу.

— В среду у меня генеральная репетиция.

— В пятницу, — повторил Сэм. — Хорошие пуанты, как хороший соус, не терпят спешки.

Хлоя посмотрела на него тем взглядом, которым смотрят на людей, говорящих вещи, которые невозможно оспорить, но очень хочется.

— Пятница, — сказала она и встала.

И ушла. Дверь закрылась — не тихо, не громко. Ровно.

Сэм сел обратно на табурет и посмотрел на пуант, который держал до её прихода. Потом посмотрел на дверь. Потом снова на пуант.

— Пятница, — сказал он ему.

Пуант промолчал, но, по мнению Сэма, согласился.

Глава 2. В которой Сэм узнаёт, что усталость имеет цвет

Хлоя пришла в пятницу. Она пришла в пятницу, как приходит поезд на станцию: точно, неизбежно и без малейшего интереса к платформе.

Сэм к этому времени закончил работу. Пуанты лежали на вишнёвой колоде — две штуки, атласные, цвета слоновой кости, с чуть приподнятым носком, с жёсткой подошвой, но с тайным — Сэмовским — смягчением в области мизинца. Он вклеил туда тончайшую прослойку из кроличьего меха, и это было не элегантное решение, но милосердное.

Хлоя примерила. Встала. Прошлась по мастерской — три шага, поворот, три шага. Поднялась на полупальцы — и Сэм увидел, как её лицо изменилось. Не сильно. Не так, как меняются лица у нормальных людей — с улыбкой или гримасой. Оно изменилось в линии рта. Прямая линия чуть дрогнула — на мгновение, на толику секунды — и снова выпрямилась.

— Нормально, — сказала она.

Для Сэма это было как овация.

— Встаньте на пуанты, — попросил он.

Она встала. Полная точка. Всё тело вытянулось в струну, и Сэм увидел то, что видели зрители в театре: не женщину, а линию. Совершенную линию, которая начиналась от кончиков пальцев на полу и уходила в потолок, в небо, в бесконечность. Линию, которая стоила двадцати лет боли, мозолей, рванных мышц и суставов, которые не прощают.

— Мизинец? — спросил Сэм.

— Молчит, — ответила Хлоя.

И снова — пауза. Сэм почувствовал, что она хочет сказать что-то ещё, но не скажет, потому что она из тех людей, которые не говорят лишнего. Для неё «молчит» — это целая поэма.

Она заплатила — бумажными, точно, без мелочи — и ушла. Пуанты забрала в холщовом мешке, который Сэм ей дал и который она взяла так, как берут орден: с достоинством и без радости.

Сэм стоял в дверях и смотрел ей вслед. Она шла по виа деи Серви — ровно, мерно, как метроном. Плащ развивался. Волосы были затянуты в тот же узел, тугой, как военный парад.

И тут Сэм увидел.

Он увидел, потому что солнце в этот момент вышло из-за облака — тех флорентийских облаков, что плывут по небу, как баржи по Арно, — и осветило её сзади. И в этом свете он увидел, что её тень — не совпадает с ней.

Это звучит странно, я знаю. Тени всегда не совпадают с нами — они длиннее, короче, изогнутее. Но Сэм имел в виду другое. Тень Хлои была тенью уставшего человека. Тень не ложилась на мостовую так, как должна ложиться тень человека, идущего по улице. Она ложилась так, как ложится тень человека, который идёт по дороге, с которой не знает, как свернуть.

Сама Хлоя шла прямо. Но тень — тень шла ссутулившись.

Сэм смотрел, пока она не свернула за угол, и ещё несколько секунд после. Потом вернулся в мастерскую, сел на табурет и долго смотрел на вишнёвую колоду, на которой только что лежали пуанты.

Пуантов не было. Но на дереве остался отпечаток — едва заметное углубление, которое могло быть от давления, а могло быть от тепла.

Сэм положил ладонь на отпечаток и подумал: усталость имеет цвет. Цвет этот — серый, как глаза, которые смотрят деятельно, но не видят ничего, кроме работы.

В последующие недели Хлоя возвращалась. Каждый вторник, между двумя и тремя, как поезд, который не знает, что бывают другие расписания.

Она приходила за правками. Пуант жал — не на мизинце, на пятке, потом на подъёме, потом снова на мизинце. Сэм правил. Клеил, подрезал, подбивал, подтягивал. Он делал это молча, и она молчала тоже, но молчание у них было разное: его молчание было молчанием человека, который работает, а её — молчанием человека, который отдыхает, хотя не умеет и не хочет отдыхать.

Иногда, когда Сэм работал на колоде, Хлоя сидела на табурете и смотрела в окно. Окно выходило на двор, а во дворе росла олива — старая, кривая, с стволом, похожим на скелет руки. Олива цвела не каждый год, но в тот октябрь цвела: мелкие белые цветы, невидимые с расстояния, но видимые из окна мастерской. Хлоя смотрела на оливу и молчала, и Сэм, поднимая глаза от работы, видел, как что-то в её лице — не улыбка, нет, скорее — тень улыбки, тень тени улыбки — проплывала и исчезала, как облако.

Однажды — это был третий вторник, или четвёртый, Сэм не считал, но пальцы его считали, и они говорили, что прошло достаточно времени, — она сказала:

— Почему вы не спрашиваете, зачем мне Джульетта?

— А зачем вам Джульетта? — спросил Сэм, потому что задать вопрос — это иногда лучший способ ответить.

— Потому что Джульетта умирает, — сказала Хлоя. — А я не умею умирать на сцене. Я умею танцевать, но не умею умирать. Мне нужно научиться.

Сэм отложил пуант. Посмотрел на неё. Она не смотрела в окно. Она смотрела на него — впервые за всё время, прямо, тем взглядом, который обычно берегла для зеркала в репетиционном зале.

— Зачем вам умирать? — спросил он.

— Потому что я не умею жить, — ответила она.

И снова — тишина. Олива цвела во дворе. Пылинки кружились в луче. Сэм подумал, что это, пожалуй, самый честный ответ, который он слышал за двадцать лет работы. Люди приходили к нему с больными ногами и просили, чтобы он их вылечил. Но никто не приходил с больной жизнью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.